
Математический мир

Об Иване Георгиевиче Петровском

День своего пятидесятилетия Юрий Иванович Манин объявил «Днём открытых дверей». И я решил войти в эту «открытую дверь». И, конечно, оказался самым старшим среди молодых и совсем юных учеников Юрия Ивановича. Но завязался общий разговор, он какое-то время порхал от темы к теме, пока вдруг не задержался на имени Ивана Георгиевича Петровского. Для молодёжи это имя было почти незнакомо, впрочем, некоторые слышали о Петровском, но только как о математике. А меня и Юрия Ивановича очень многое связывало с нашим бывшим ректором. Мы предались воспоминаниям, и вдруг Юрий Иванович сказал, что где-то, то ли в «Природе», то ли «Знании–силе», были незадолго до того опубликованы «невыдуманные рассказы» известного советского астрофизика (в ту пору уже покойного) Иосифа Самойловича Шкловского. Один из этих рассказов был посвящен эпизоду с Петровским. Там, по словам Манина, содержалось утверждение о том, что — по оценкам Шкловского — Петровский совершил в жизни не менее *десяти тысяч* добрых дел. Сразу же посыпались вопросы — откуда взялась такая цифра? как она была получена? Юрий Иванович стал давать какие-то пояснения, но разговор довольно быстро сбился с темы.

... Как это было недавно, а кажется — только вчера. На самом деле прошло четырнадцать лет! И каких лет! В частности, Юрий Иванович, которому не позволялось в ту пору пересекать границу любезного отечества, сменил Россию на Германию, Москву на Бонн, где стал одним из директоров Института Планка... Многие кануло в Лету, но мне до сих пор не дает покоя эта «оценка Шкловского»: *десять тысяч добрых дел*.

Я постепенно уверовал в её справедливость. Можно помечтать о том, что когда-нибудь будет опубликована книга «Десять тысяч добрых дел Ивана Георгиевича Петровского». Многие могут внести свой вклад в её

написание. Здесь я хочу представить несколько рассказов о Петровском, как человеке, вершившем добро.

Назову некоторых из людей, высоко ценимых Иваном Георгиевичем, которым он старался делать добрые дела. Бегло пройдёмся по началу алфавита.

Владимир Михайлович Алексеев и Владимир Игоревич Арнольд были в немногочисленном ряду тех математиков моего поколения, которые пользовались особым доверием Ивана Георгиевича, кому он звонил для того, чтобы выслушать их совет при разрешении трудной проблемы. (Кроме них были ещё Юрий Иванович Манин, Владимир Андреевич Успенский; к числу людей, пользовавшихся высоким доверием Ивана Георгиевича, были такие замечательные люди чуть старшего поколения, как Сергей Васильевич Фомин, Георгий Евгеньевич Шилов, Иосиф Самойлович Шкловский.)

Высочайший вкус на людей — поразительная черта Ивана Георгиевича, с неё разумно начать. Владимир Игоревич Арнольд не раз писал о влиянии, оказанном на него Иваном Георгиевичем Петровским; о добрых делах Петровского мне много рассказывал и Владимир Михайлович Алексеев.

И Павел Сергеевич Александров принадлежал к числу тех профессоров, которым Иван Георгиевич оказывал особое покровительство. (К их числу относился и Андрей Николаевич Колмогоров, и вообще все те, кто царствовал на мехмате в годы моей юности, когда наш факультет переживал свою золотую пору.) Число добрых дел для факультета, для математики, для Математического Общества, совершённых Петровским через этих людей огромно, и может составить отдельный большой перечень.

Вспомним Феликса Александровича Березина. . . В начале пятидесятых годов, КПСС уделяла очень большое внимание математическому образованию, и потому лучшие выпускники нашего факультета, такие как Феликс Александрович Березин, Илья Иосифович Пятецкий-Шапиро и многие, многие другие замечательные студенты мехмата, направлялись не в аспирантуру факультета, а на работу в школы рабочей молодёжи и в провинциальные школы в маленькие города. . . Березин работал в школе рабочей молодёжи в Москве, Илья Иосифович — в обычной школе в Орехово-Зуеве.

Иван Георгиевич же имел в качестве неперменного жизненного принципа оставлять лучших выпускников в Московском Университете. Он зачислил Березина в 1956 году в штат научных сотрудников, минуя обычную процедуру подобных зачислений, и вызвав бурю возмущений тех, кто считал себя обязанным определять кадровую политику в нашем Университете. И Пятецкий-Шапиро сотрудничал на полставки в Московском университете благодаря Ивану Георгиевичу.

Марко Иосифович Вишик обязан плодотворнейшему периоду своей жизни, связанному с Московским университетом, Ивану Георгиевичу Петровскому.

Израиль Моисеевич Гельфанд и Петровский — это особая глава истории математики и Московского университета. Иван Георгиевич очень высоко ценил Израиля Моисеевича, много делал добрых дел для него и его учеников, постоянно советовался с ним в трудных вопросах математической и университетской жизни. В частности, создание кафедры Общих проблем управления, на которой мне довелось проработать свыше тридцати лет, было осуществлено Петровским по идее Гельфанда.

А вот случай из другого совсем ряда. Одна из самых привлекательных черт деятельности И. Г. на посту ректора — его доступность. Ирина Николаевна Глушнева — одна из трех моих сокурсниц, которые стали докторами физико-математических наук — вспоминает, что в 1954 году (будучи студенткой второго курса) она готовилась поехать в Невинномысск на солнечное затмение. Ей это было обещано, но в последний момент было в том отказано. И она пошла искать правды не по инстанциям (директор ГАИШа, декан мехмата и т. п.), а прямо к Петровскому. Тот принял её и решил вопрос в её пользу, хотя как легко было бы ему отослать её по тем же инстанциям!

Елена Николаевна Ефимова вспоминает эпизод с предоставлением квартиры семейству Николая Владимировича Ефимова. Петровский просматривал списки квартир и вдруг увидел, что Николаю Владимировичу предоставляют квартиру на девятом этаже. Он приказал сменить этаж с девятого на третий. Иван Георгиевич знал, что у дочери Н. В. не очень здоровое сердце, а лифты, бывает, портятся.

Не только в этом эпизоде, но и во множестве других, И. Г. проявлял редчайшие свойства человеческого характера — чуткость и заботливость. Это особый дар, неизвестно откуда достающийся человеку, а Петровский обладал им в высокой мере.

В первые послесталинские годы Петровский ещё не всегда мог преодолеть сопротивление своего окружения. Желая сохранить перспективного математика для нашей науки, он просил Николая Владимировича взять выпускника в Лесотехнический институт, где Ефимов работал. И это также свидетельствует об особой широте его личности. И многие математики не затерялись в Лесотехническом институте под чутким покровительством Николая Владимировича, а потом они оказались соединёнными с Московским университетом.

Владимир Антонович Зорич перед поступлением на мехмат воспитывался в детском доме в Иваново. И это всё — и тот детский дом, и Иваново в те годы, где долго работал Вадим Арсеньевич Ефремович и недолго Владимир Абрамович Рохлин, где начинал творческую жизнь Альберт

Соломонович Шварц, всё это тоже тема отдельного рассказа, и в нем не раз упоминался бы Иван Георгиевич (который покровительствовал и Ефремовичу, и Рохлину, и Шварцу).

У В. А. Зорича к моменту окончания аспирантуры возникли трудности с тем, где жить. Петровский платил штрафы в милицию (за незаконное пребывание Зорича в общежитии), он оформил его *обратно в аспирантуру после её окончания*, чтобы дать ему возможность жить в общежитии, словом, делал всё, чтобы Владимир Антонович смог остаться работать в Московском Университете.

Для иллюстрации того, как поступал Иван Георгиевич, такой рассказ.

* * * * *

Моему сокурснику Павлу Борисовичу Якоби выпала трагическая судьба. Один наш общий друг называл его Йовом, которого Господь решил подвергнуть беспримерным испытаниям. Всех тягостных перипетий его жизни не перечесть, да здесь и не о них речь.

Но один (и при том счастливый) поворот судьбы П. Б. был связан с Петровским.

Суровое испытание довелось пережить в 1963 году. В итоге (не по своей вине) он оказался на Балхаше, без какой-либо перспективы вернуться в Москву. Жена от него ушла. Друзей рядом с ним не оказалось. Положение его было полно безысходности.

Тогда мы вместе с одним моим другом и одноклассником (бывшим в ту пору заместителем проректора по учебной работе) решились пойти на приём к Петровскому. Не сможет ли он как-то облегчить судьбу выпускника Московского университета.

Петровский принял нас. Мы начали сбивчиво излагать суть дела. «Майор Якоби... Специалист по моделированию на ЭВМ сложных систем... Балхаш... Нельзя ли...» Петровский резко прервал нас: «Будет ли он полезен на военной кафедре?» Эта идея была за пределами наших мечтаний. «Да, да, — вскричали мы, — конечно!» «Кому я должен позвонить?» — с тем же резким напором спросил Петровский. Мы смущённо молчали. А что мы могли сказать?

После секундной паузы Петровский произнёс: «Гречко?» (Гречко был военным министром.) С ума сойти! Мы никогда не мыслили такими категориями! Не дождавшись ответа, Петровский огорошил нас следующими вопросами: «Кто его непосредственный начальник? К какому роду войск он относится?» Мы не знали этого точно. «К ракетным... наверное...» Как-то в письме промелькнуло имя Байдукова, и мы назвали его.

Георгий Филиппович Байдуков... Он летал с Чкаловым через Северный Полюс. Кумир нашего детства. Герой Советского Союза. Генерал-полковник авиации.

Петровский задумался на мгновение, потом вызвал свою секретаршу. Когда она вошла, он попросил её принести справочник о депутатах Верховного Совета СССР. Получив справочник, Иван Георгиевич извлек оттуда, что Байдуков — командующий авиацией Среднеазиатского военного округа.

«Соедините меня с Байдуковым», — попросил он секретаршу, возвращая справочник. Наступило тягостное для нас молчание. Прошло несколько минут, и раздался звонок. На том конце провода был Байдуков. Состоялся такой разговор.

«С Вами говорит член Президиума Верховного Совета Петровский. Мне нужен майор Якоби, который служит в Вашем округе.» После короткой паузы: «Для модернизации военной кафедры.» Байдуков что-то кратко ответил. «Благодарю», — сказал Петровский и повесил трубку.

... Через несколько дней майор Якоби прибыл в Москву для прохождения службы на военной кафедре Московского государственного университета.

* * * * *

Остановимся на этом и подведём некоторые итоги.

Способствовал поступлению студентов в Московский Университет... Скольким? Наверное несколькими сотням... Я знаю с десяток примеров.

Способствовал поступлению на работу в МГУ, что определило судьбу человека. Скольким? И здесь наверное, несколькими сотням...

Для скольких людей он был защитником в преодолении жизненных трудностей? Не счесть... Многие из нас и не подозревают, что разного рода счастливые обстоятельства их жизни произошли во многом благодаря тому, что существовал на белом свете Иван Георгиевич Петровский...

Он способствовал открытию более семидесяти кафедр и двухсот лабораторий... Он обустроивал Московский Университет... При нём МГУ переживал период своего расцвета.

Петровский участвовал во многих благих деяниях, как депутат, как Член Президиума Верховного Совета, как Академик-секретарь Отделения физико-математических наук Академии Наук СССР, как заведующий кафедрой, как декан (особенно в период Великой Отечественной войны), как председатель Международного математического Конгресса... Десять тысяч его добрых дел — это реальность!

В. М. Тихомиров

* * * * *

К столетию со дня рождения И. Г. Петровского Ю. С. Ильяшенко и В. М. Тихомиров отправили членам Московского математического общества письмо, в котором было написано, что в очередном выпуске альманаха «Математическое просвещение» предполагается статья о добрых делах И. Г. Петровского и предлагалось присылать в редакцию письма об И. Г. Петровском.

Ниже мы публикуем два полученных нами материала.

Письмо А. А. Кириллова

Я многим обязан этому замечательному человеку. Я познакомился с Иваном Георгиевичем еще будучи студентом. На третьем курсе я был заместителем председателя оргкомитета Московской математической олимпиады и по этому поводу пару раз был на приеме у ректора. На четвертом курсе меня и еще нескольких студентов и аспирантов Иван Георгиевич послал в командировки в провинциальные университеты в поисках хороших студентов. Я побывал в Перми, Екатеринбурге и Челябинске. Почувствовал разницу уровней и в то же время познакомился со многими интересными людьми.

В 1961 году мы с Арнольдом были на втором году аспирантуры. Как раз в этот момент были две вакансии на мехмате, и И. Г. предложил нам поступить на работу в МГУ. Разумеется, мы с радостью согласились. Нас не только взяли на работу, но обещали дать однокомнатные квартиры. Все помнят, как непросто было получить «жилплощадь» в то время. Мне пришлось несколько раз приходиться к Ивану Георгиевичу по этому поводу. Он просил держать его в курсе и информировать о всех задержках. Конечно, сразу обнаружились препятствия, и я был свидетелем того, как Иван Георгиевич их преодолевал. Не буду пересказывать все детали, но в целом я получил очень сильное впечатление об И. Г. как администраторе.

Приведу здесь несколько его высказываний, которые, как мне кажется, достойны быть выбитыми на скрижалях:

- На административную работу можно назначать лишь того, кто ее ненавидит.
- Я не спрашиваю вас, кто занимается этим вопросом. Мне нужен тот, кто этот вопрос решает.
- Администратор не может принести пользы! Задача хорошего администратора — минимизировать вред, который он наносит.
- Вы совершенно правы. . . (пауза). Но и я прав! Давайте разберемся.
- Университет существует для студентов!

— Законы пишутся для умных людей... (пауза). И чем глупее человек, тем настойчивее нужно объяснять ему смысл закона.

К сожалению, мне не пришлось иметь с И. Г. научных контактов. Несколько раз, когда я заходил к нему, он жаловался, что административная деятельность поглощает все его время и на занятия наукой уже ничего не остается. Но всякий раз добавлял, что быть плохим ректором он не хочет.

Несколько раз он говорил, что у него свободно только обеденное время и приглашал пообедать вместе с ним. Обедал он, кстати, в профессорской столовой, как все другие преподаватели. Помню однажды он перед обедом достал из кармана пузырек и протер руки. А потом, взглянув на меня, сказал: вот, врачи запретили принимать внутрь, так хоть руки протереть. И он с удовольствием понюхал свои руки.

Один раз я получил от него нагоняй. В 1961 году я защитил докторскую диссертацию и меня стали «поднимать на щит». В частности, выдвинули делегатом от МГУ на XVI городскую конференцию ВЛКСМ. До этого я не поднимался выше должности группорга (минимальная «руководящая» должность в комсомоле) и то неудачно: оба раза (в школе и в университете) получил выговор «за развал работы». В качестве делегата я должен был выступить на конференции с краткой речью. Я не очень понимал, о чем говорить (да и человек, предложивший мне выступить, был довольно несимпатичным). Поэтому я отказался. И. Г. попенял мне за «чистоплюйство» и объяснил мне, что я своим отказом осложнил его отношения с общественными организациями. Я сначала оправдывался, как мог, но быстро понял, что я подвел И. Г., и признал, что был неправ.

Письмо Э. Э. Шноля

Я учился на мехмате МГУ с 1943 по 1948 год. Мое первое знакомство с И. Г. Петровским не имело личного характера и не оставило во мне заметного следа. Иван Георгиевич, которому было тогда лет сорок пять, читал нам лекции по обыкновенным дифференциальным уравнениям. Как и в написанном им учебнике, предмет на лекциях излагался продуманно и глубоко. Мы чувствовали эту глубину, но понимали лекции не очень хорошо. Сказывалось, вероятно, то, что наш курс был «избалован» блистательными лекциями А. Я. Хинчина (читавшего нам анализ) и И. М. Гельфанда (учившего нас линейной алгебре), а И. Г. прирожденным лектором не был.

С 3 курса я стал заниматься в семинаре И. М. Гельфанда (существовавшем в течение пяти десятилетий) и никаких контактов с Петровским более не имел. К моменту окончания университета я знал, что

Петровский — крупный математик, получивший за свои работы Сталинскую премию и избранный в Академию. Это, пожалуй, все, что было известно мне и большинству моих товарищей.

С 1949 по 1953 год я находился на военной службе в небольшой воинской части вблизи Свердловска. В последние два года у меня появилась возможность вернуться к математическим занятиям. Командование к моим ученым занятиям (в свободное время) относилось благожелательно. И. М. Гельфанд, в аспирантуру к которому я не попал, решил, что мне стоит попробовать сдать кандидатские экзамены в местном (Уральском) университете. Прием кандидатских экзаменов от сержанта срочной службы — мероприятие необычное. Чтобы оно могло быть реальным, И. Г., бывший тогда уже ректором Московского университета, по просьбе И. М. Гельфанда написал для меня краткое рекомендательное письмо (сохранившееся до сих пор).

После демобилизации летом 1953 года я приехал в Москву и вскоре состоялась моя первая личная встреча с И. Г. Я пришел на прием к кабинету ректора МГУ и был вскоре принят им. Он был один и сидел за большим столом. При моем появлении Иван Георгиевич вышел из-за стола и поздоровался со мной за руку. Было ясно, что он не забыл мою фамилию. Не помню, что именно я говорил ему. Наверное, просил ректора дать мне возможность защитить кандидатскую диссертацию в МГУ. И. Г. спросил, устроился ли я уже на работу. Услышав мой отрицательный ответ, он посоветовал устраиваться (не важно куда) и сказал: все, что нужно, он передаст мне через И. М. Гельфанда.

Среди громадного количества разномасштабных дел И. Г. не забыл обо мне, и летом 1955 года я защитил кандидатскую диссертацию в Совете мехмата МГУ.

Преподав мне своим поведением нравственный урок, он вскоре преподавал мне (и, наверное, всем присутствовавшим при этом) урок другого рода. Произошло это так. Иван Георгиевич, даже будучи ректором, вел регулярно работавший математический семинар. Его помощником (или заместителем) по семинару был С. А. Гальперн. Как-то раз я пришел на заседание этого семинара. Ко времени начала семинара Ивана Георгиевича не было и все его ждали. Опоздав минут на 15, И. Г. извинился и доклад начался. Не помню, кто докладывал и о чем он рассказывал. Постоянные участники семинара, видимо, понимали все и вопросов почти никто не задавал. Исключением был руководитель семинара. Он то и дело перебивал докладчика такими фразами «Извините, пожалуйста. Я вот это место не понял. Не могли бы Вы немного разъяснить его?». И через несколько минут «А-а, ну вот теперь понимаю, спасибо».

Я недоумевал: Петровский задает вопросы в тех местах, где даже мне все понятно!

По окончании доклада Иван Георгиевич подвел итоги заседания. Вот эта короткая его речь и произвела на меня впечатление, которое не потускнело за все прошедшие годы. Он высказывал мысли, ничего близкого к которым мне в голову не приходило. Стало ясно, что во время доклада (или задолго до него?) он интенсивно размышлял над предметом и что он понял доклад несравненно глубже нас. Эта глубина проникновения особенно впечатляла по контрасту с отсутствием внешнего «блеска мысли»: мгновенного понимания всего, проявления широкой эрудиции и т. д.

Это мое впечатление дополнилось потом рассказами Е. М. Ландиса о том, как он сотрудничает с И. Г. Фактическое содержание этих рассказов я не помню. Сохранился лишь эмоциональный фон. Геня (как я звал Ландиса) говорил об И. Г. почтительно, с некоторым удивлением и восхищением по поводу того, как тот думал над математическими проблемами.

Вот это восхищение перед Петровским-математиком у меня и осталось.